

ПРОЛОГ

Первая месса папы Иоанна XXIV транслировалась по телетопографическим каналам всего мира. Вторую он служил на следующее утро в часовенке неподалеку от своих покоев, в присутствии только горстки верных клириков. Мало кто горел желанием вставать в пять утра даже ради папской мессы.

После легкого завтрака — папа придерживался странного древнего обычая служить мессу на голодный желудок, хотя его доктор твердил, что глоток вина с утра не самое полезное начало, — папа сел за письменный стол и приступил к исполнению своих обязанностей.

Однако не успел он толком освоиться на новом месте, как в кабинет вошел кардинал Инципио с ящиком облаток под мышкой.

— Доброе утро, Ваше Святейшество.

— Доброе утро, Джузеппе, — ответил папа, оценивая на глаз объем ящика, и надел стихарь. — Ну что ж, начнем. Что у тебя там для меня?

— Нечто загадочное, — сообщил кардинал Инципио и жестом фокусника извлек из складок сутаны старинный конверт. — Я решил, что вам это понравится — начать утро с небольшой загадки.

Папа уставился на этот довольно крупный предмет.

— Считай, что ты меня уже заинтриговал. И ради всех звезд на небе, что же это такое?

— Конверт, — уточнил кардинал Инципио и церемонно подал его папе. — Только осторожно, Ваше Святейшество, он очень старый.

— Конверт, — повторил папа и нахмурился. — Конверт — это обертка для послания. Но такой огромный! Да... Наверняка он очень-очень старый!

— Очень-очень, — пробормотал кардинал Инципио, но папа Иоанн его уже не слушал. Он не спускал глаз с размашистой, от руки, надписи на конверте:

*Его Святейшеству папе Иоанну XXIV
Распечатать 23 августа 3059 г.*

По спине папы Иоанна пробежал холодок.

— Он пролежал очень долго, — стал рассказывать кардинал Инципио. — Его оставил доктор Ангус Мак Аран в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году.

Папа молчал. Кардинал, заметно нервничая, продолжал рассказ:

— Просто удивительно, что он не затерялся за это время в каких-нибудь сейфах. Разумеется, он герметически запечатан.

— Разумеется, — кивнул папа и оторвал взгляд от конверта. — Тысяча сто пять лет. Но как доктор Ангус мог знать, что именно в этот день я стану папой?

Кардинал Инципио только развел руками.

— О, несомненно, несомненно. — Папа сердито кивнул. — Нелепо ожидать, что ты это выяснил. Вообще-то, это мне следовало бы знать, почему оно так, но, боюсь, догмат о непогрешимости папы распространяется только на доктрину, да и то лишь *ex cathedra*¹... Впрочем, довольно досужих домыслов! Нет смысла сидеть и гадать, что, как и почему.

С этими словами он взял со стола нож для разрезания бумаг и вскрыл конверт. Бумага издала звук, подобный хрусту костей. Кардинал Инципио не удержался и ахнул.

— Понимаю, — папа взглянул на него с сочувствием. — Похоже на кощунство, верно? Но ведь его следовало открыть.

С предельной осторожностью папа вытащил из конверта единственный листок бумаги.

— На каком языке послание? — еле слышно вымолвил кардинал Инципио.

— На раннем международном английском. Переводчик мне не понадобится.

Еще в бытность свою кардиналом Калумой папа Иоанн умудрялся выкроить время для курсов сравнительной лингвистики. Он быстро пробежал глазами потускневшие от времени буквы, затем прочитал послание более медленно и внимательно, после чего оторвал взгляд от листка бумаги и уставился в пространство. Его смуглое лицо стало еще более темным.

Кардинал Инципио озабоченно нахмурился:

— Ваше Святейшество?

Взгляд папы скользнул к кардиналу и на миг задержался на его лице:

— Найдите мне отца Элоизия Юэлла.

Графин разлетелся на мелкие осколки. Малыш бросил быстрый испуганный взгляд в верхний правый угол комнаты, где в потолок была вмонтирована скрытая видеокамера, отвернулся и принялся подбирать с пола осколки.

Отец Юэлл в соседней комнате кивнул и вздохнул.

— Так я и думал. — Он обернулся к службе, стоявшему у дальней стены: — Будь добр, сходи, прибери там. Ему всего восемь лет, он может пораниться, если сам будет возиться с осколками.

Служка поклонился и вышел, а отец Эл с печальной улыбкой повернулся к голографическому экрану.

— У нас столько небьющихся материалов, а мы все еще предпочитаем стеклянные сосуды. Это по-своему воодушевляет... как и тот взгляд, что бросил ребенок на нашу скрытую камеру.

— Что же это? — отец Ле Бар нахмурил брови. — Разве это не доказывает наличие у него магических способностей?

— Не больше, чем графин, пролетевший по воздуху, святой отец. Вы же видели: ребенок не прибежал ни к каким колдовским парафернали-

ям — не совершал магических пассов, не чертил пентаграмм, даже не бормотал заклинаний. Он просто пристально посмотрел на графин, и тот взмыл над столом и поплыл по воздуху.

— То есть это одержимость, — неохотно заключил отец Ле Бар.

Отец Эл замотал головой.

— Ну что вы! Его даже озорником не назовешь, судя по тому, что вы мне рассказываете о его поведении. Будь он одержим бесом, он был бы воистину несносное дитя.

— Итак, — отец Ле Бар принялся загибать пальцы, — он не одержим дьяволом, он не пользуется ни белой, ни черной магией...

Отец Эл кивнул:

— Остается единственное объяснение — телекинез. Его взгляд на скрытую камеру был весьма убедителен. Откуда ему знать, что она там спрятана, если мы об этом при нем ни словом не обмолвились, а камера надежно замаскирована и замурована в потолок? Скорее всего, он прочел наши мысли.

— Телепат?

Отец Эл снова кивнул.

— А будучи телепатом, он, весьма вероятно, владеет и телекинезом. Как правило, экстрасенсорные способности проявляются комплексно. — Он встал. — Пока, конечно, рано выносить окончательное суждение, падре. Мне нужно будет еще понаблюдать за мальчиком, как в этой лаборато-

рии, так и за ее пределами, но сейчас у меня такое предчувствие, что ничего сверхъестественного я не обнаружу.

Отец Ле Бар наконец допустил на лицо улыбку.

— Его родители будут несказанно счастливы услышать это.

— Сейчас — возможно, — улыбнулся в ответ отец Эл. — Но очень скоро до них дойдет, какие сложности их ждут. Ребенок, владеющий телекинезом и телепатией, но пока еще плохо контролирующий эти способности. Однако у них найдутся помощники — может быть, даже больше, чем им хотелось бы. Телекинетики встречаются редко, а телепаты — и того реже, на всю Терранскую сферу их наберется пара-тройка десятков. При этом у большинства, за исключением двоих, дар пребывает в зачаточном состоянии. Межзвездному правительству известно, что подобные способности открывают поистине невероятные перспективы, и потому оно питает нескрываемый интерес к любому человеку, у которого таковые способности проявляются.

— Опять правительство! — в отчаянии вскричал отец Ле Бар. — Неужели оно никогда не прекратит совать нос в дела Церкви?

— Поосторожнее, святой отец. Правительство может решить, что вы провоцируете раскол между государством и Церковью.

— Но разве было что-то более естественное, чем привести этого ребенка к священнику? — Отец Ле

Бар беспомощно развел руками. — Деревенька маленькая, Терранское правительство тут представлено только магистратом, а ДДТ — вообще никем. Родители малыша были просто в панике, когда у них по дому начали летать предметы. Спрашивается: что еще они могли сделать, как не отвести малыша к священнику?

— Да, это был вполне естественный шаг, и очень мудрый, — согласился отец Эл. — С их точки зрения, это вполне могло оказаться бесовским наваждением, на худой конец — полтергейстом.

— А мне как следовало действовать в такой ситуации, кроме как обратиться к моему архиепископу, который затем обратился в Ватикан?

— Совершенно верно. Поэтому я и здесь, но, как я уже сказал, вряд ли обнаружу в ребенке хоть что-нибудь сверхъестественное. И теперь, святой отец, дело выходит из-под нашей юрисдикции и подпадает под юрисдикцию правительства. «Кесарю кесарево...»

— А этот мальчик — он тоже кесарев? — требовательно спросил отец Ле Бар.

Ответить отцу Элу помешал негромкий мелодичный звонок. Он обернулся к экрану коммуникатора и нажал клавишу ответа. Экран вспыхнул, и перед священником предстало помещение, расположенное в сотнях миль от деревушки, — папская курия в Риме. Затем на экране возникло задумчивое лицо человека в алой кардинальской шапочке.

— Монсеньор Алеппи! — улыбнулся отец Эл. — Чем обязан такой радости?

— Понятия не имею, — ответил монсеньор, — но радость ваша воистину должна быть велика. Отец Юэлл, с вами желает побеседовать Его Святейшество. С глазу на глаз.

— «Одиннадцатого сентября три тысячи пятьдесят девятого года по терранскому календарю человек по имени Род Гэллоуглас узнает, что он — самый могущественный чародей со времен Рождества Христова. Он будет проживать на планете, которую аборигены называют Грамарий». Далее — координаты планеты. Это все. Ну, еще подпись.

Папа с нескрываемым отвращением бросил послание на стол.

Отец Элоизий испытал неопишемую радость. Он ощущал себя арфой, струн которой касается ветер. Всю жизнь он ждал этого дня, и вот наконец он пришел! Свершилось — настоящий, самый настоящий чародей!

Вероятнее всего...

— Что скажете? — прервал его раздумья папа.

— Он приводит какие-либо доказательства?

— Ни малейших, — устало произнес Его Святейшество. — Я прочел вам письмо от первой буквы до последней. Мы зашли в базу данных, но никакого Рода Гэллоугласа не нашли. Планета

с таким названием действительно существует, ее координаты совпадают с теми, о которых пишет Мак Аран. Но она была открыта всего десять лет назад.

Он переслал копию письма отцу Элоизию.

Отец Эл прочел распечатку и нахмурился.

— Открытие планеты приписывается Родни д'Арману. Это может быть один и тот же человек?

Папа всплеснул руками.

— Почему бы и нет? Все возможно, но ничто не вероятно, когда имеешь дело со столь скудной информацией. Однако мы навели о нем справки. Он — младший сын в семье, принадлежащей побочной ветви аристократического рода с крупного астероида под названием Максима. Его карьера в космической службе была недолгой, но яркой и закончилась с его вступлением в Ассоциацию борьбы с ростками тоталитаризма.

— Как-как?

— Вряд ли я сумею повторить без запинки, — вздохнул Его Святейшество. — Насколько я понял, это некая правительственная структура, чья деятельность включает в себя наихудшие разновидности разведки и шпионажа. Предполагается, что агенты этой организации занимаются поиском затерянных колоний и решают, возможно ли поставить их на путь демократии или нет.

— Невероятно! — пробормотал отец Эл. — Я и не подозревал о существовании подобной организации.

— Любое правительство, у которого под надзором три десятка планет, должно иметь организацию, надзирающую за прочими организациями.

Эта фраза в устах Его Святейшества прозвучала уверенно, поскольку мнение папы на сей счет было основано на личном опыте.

— В таком случае следует предположить, что Родни д'Арман обнаружил на Грамарии затерянную колонию.

— Да, но только одному Богу известно, что это за колония, — со вздохом отозвался Его Святейшество. — Как видите, здесь нет ни слова о населении планеты.

Отец Эл взглянул на экран. И действительно, все сведения о населении планеты были суммированы одним-единственным словом: «СЕКРЕТНО», за которым следовало краткое пояснение о необходимости такой предосторожности во избежание злоупотреблений и для защиты населения планеты.

— Рискну предположить, что это крайне отсталая цивилизация.

Сказав это, отец Эл почувствовал, как сердце его учащенно забилося. Была ли грамари́йская цивилизация достаточно отсталой, чтобы ее представители до сих пор верили в волшебство?

— И впрямь отсталая, — кивнул папа, пробежав глазами еще один лист бумаги, лежавший перед ним на столе. — Мы сверились с нашей собственной базой данных, и там нашлись некоторые

сведения об этой планете, правда, крайне скудные. Собственно, это короткая записка от священника, отца Марко Риччи. Он сопровождал экспедицию некоего сообщества, именующего себя «Эмигранты-романтики». Они обнаружили не нанесенную на космические карты терраподобную планету с обширным островом, засеяли этот остров терранскими растениями и основали там колонию. Это произошло четыреста или пятьсот лет назад. Отец Риччи в своем послании просит разрешения основать там филиал ордена Святого Видикона Катодского. Это ваш орден, отец Юэлл.

— Все верно. — Отец Эл постарался не выдать охватившего его разочарования. Католианцы по уставу ордена были не только священниками, но и инженерами. Если на Грамарию обосновались католианцы, ни о какой отсталости цивилизации речи быть не могло. — Он получил разрешение?

Его Святейшество кивнул.

— Тут так написано, но неизвестно, дошло ли до него послание курии. Как раз в те годы произошло свержение правительства Межзвездных доминионов и на Terre была основана Пролетарская Изолированная Социалистическая Коммуна. Вам наверняка известно, что первым делом это государство прекратило субсидирование затерянных колоний. Поэтому связь с отцом Риччи установить не удалось.

— Что ж, это вселяет... То есть я хотел сказать, это создает определенные сложности.

— Не исключено. — Папа испытующе взглянул на отца Элоизия. — Там может существовать некая община, считающая себя находящейся в лоне Римской католической церкви, но при этом уже несколько столетий действующая вне всякого контакта с нами. Стоит ли говорить о том, какие ереси могли расцвести там за это время. — Его Святейшество вздохнул. — Хотелось бы надеяться, что подобные неприятности нам более не угрожают.

Отец Элоизий понял, что имеет в виду Его Святейшество. Как раз перед восшествием на папский престол кардинал Калума вел переговоры с архиепископом Бэрбенка, затерянной колонии, обнаруженной около двадцати лет назад. Тамошняя община смогла более или менее удержаться в рамках истинной веры, но одна ересь там угнездилась накрепко: убеждение в том, что растения обладают бессмертной душой. Это убеждение стало фундаментальной основой бэрбенкских верований, поскольку на планете пышным цветом расцвела ботаническая инженерия, конечной целью которой было создание хлорофиллового разума. Переговоры практически зашли в тупик и завершились основанием бэрбенкской Церкви. Первым делом новая Церковь разорвала все отношения с Римом. Его Святейшество постарался смягчить ситуацию, объявив, что с колонией утрачена связь и что бэрбенкскую Церковь нельзя считать римско-католической.

И это было крайне прискорбно. Если бы не твердая вера в одушевленность растений, бэрбенк-

цев можно было бы считать людьми во всех отношениях разумными.

— Я буду предельно откровенен, Ваше Святейшество, и сообщать буду только о том, что увижу своими глазами.

— О? — Папа вперил в отца Эла зоркий взгляд. — Вы куда-то собрались?

Отец Эл непонимающе уставился на Его Святейшество.

— А зачем же тогда вы вызвали меня?

— Верно, — вздохнул Его Святейшество. — Вынужден признаться, именно за этим. Не вижу другого выхода и не сомневаюсь, что Мак Аран подразумевал именно это.

— Разве у нас может быть иной выход? — негромко спросил отец Эл.

— Нет, конечно, нет. — Папа опустил глаза. — Послание, пролежавшее в сейфах тысячу лет, заслуживает величайшего доверия — особенно потому, что его отправитель с неопровержимой точностью предугадал имя папы. Если Мак Аран оказался так точен в этом вопросе, вероятно, он прав и относительно этого «чародея»? И независимо от того, насколько на самом деле этот человек чародей, он может сильнейшим образом навредить вере. Подменить религию суевериями — во все времена это получалось без особого труда.

— Вера в то, что ты способен управлять целой Вселенной, это величайшее искушение, — согласился отец Эл.

— И этому искушению могут поддаются очень многие, — добавил Его Святейшество, мрачно нахмурив брови. — Не говоря уже о том, что нельзя исключить вероятность, что такие самозванцы действительно могут пробуждать сверхъестественные силы...

— Верно, — отозвался отец Эл и тоже помрачнел, словно на него упала тень опасений Его Святейшества. — Лично я предпочел бы иметь дело с ядерной бомбой.

— Да, бомба не причинила бы столько вреда, — кивнул папа.

С торжественностью грозовой тучи папа Иоанн XXIV навис над столом.

— Итак, — проговорил он. — Возьмите это. — Он передал отцу Элу сложенный листок бумаги. — Это послание, написанное моей рукой и адресованное любому священнослужителю, с которым вас сведет случай. В послании содержится просьба оказывать вам всяческое содействие. Это и чек на тысячу термов — все, чем я могу вам помочь. Отправьтесь на Грамарий и разыщите этого Гэллоугласа, где бы он ни был, и направьте его на стезю Господа нашего, независимо от того, действительно ли он чародей или заблуждается.

— Сделаю все, что в моих силах, Ваше Святейшество, — поклонился отец Элоизий, затем выпрямился и улыбнулся. — Во всяком случае, понятно, почему Мак Аран адресовал свое письмо Ватикану.

— Да уж, — улыбнулся в ответ папа. — Кто бы еще принял содержание письма всерьез?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Раздался звон разбитого стекла.

— Джеффри! — завопила Гвен. — Сколько раз тебе повторять: дома фехтовать нельзя!

Род прервал чтение «Истории Грамария» Гербрэнсиса, отвел взгляд от страницы и увидел, что его младший сын пытается спрятать за спиной «меч» — ивовую лозу. Вид у мальчика был напуганный и виноватый. Род со вздохом встал.

— Имей снисхождение, милая. Ему ведь всего три годика.

— Твоей вины тут не меньше, — проворчала Гвен. — От кого еще наш малыш мог научиться фехтованию?

— Твоя правда, милая, — со вздохом согласился Род. — Зря я тренировал Магнуса на глазах у Джеффа. Но ведь это было всего-то один раз.

— Да, но ты же знаешь, что он сам не свой до всего, что связано с боевыми искусствами. И все схватывает на лету! Поговори с ним, а я попробую склеить разбитую вазу.

— Увы, тогда я этого не понимал и понял только теперь. Послушай, сынок...

Род опустил на колени и обнял сына за плечи. Гвен тоже встала на колени и принялась соби-

рать с пола осколки и пристраивать их друг к другу. Она пристально смотрела на места соединения осколков, и те чудесным образом срастались. Вскоре ваза выглядела почти невредимой.

— ...Понимаешь, ведь это любимая ваза твоей мамочки, — нежно проговорил Род. — Это единственная стеклянная ваза в доме — другой у нее нет, а стекло очень, очень дорого стоит. И Магнус очень долго учился делать стекло.

Малыш всхлипнул и кивнул.

— Мамочка может починить вазу, — продолжал Род, — но все равно ваза уже не будет такой же красивой, как раньше, и мамочка уже не будет так радоваться, глядя на нее. Получается, ты отнял у нее то, что ее радовало.

Малыш снова всхлипнул — на этот раз громко, выронил свое «оружие», уткнулся в плечо отца и горько расплакался.

— Ну, что ты, не надо плакать, — принялся утешать его Род. — Все не так плохо. Мамочка сможет починить эту вазу. Она умелая колдунья и прекрасно владеет телекинезом. И все же тебе не следовало шалить и разбивать вазочку, правда? — Род отстранил Джеффри и посмотрел малышу в глаза. Тот всхлипывал и кивал. Вид у него был самый что ни на есть разнесчастный. — А теперь успокойся. — Род вынул из кармана носовой платок и вытер мордашку Джеффри. — И как положено храброму мальчику, попроси у мамочки прощения.

Джефф кивнул. Род взял его за плечи, развернул к Гвен и, легонько подтолкнув, встал.

Джефф, виновато потупившись, подошел к матери. Он молча стоял и с опаской смотрел на нее, пока она не закончила возиться с вазой. Тогда малыш прошептал:

— Мамоська, плости меня. Я не хотел.

Гвен испустила глубокомысленный вздох, но не смогла сдержать улыбки и ласково взъерошила волосы сына.

— Знаю, знаю, что не хотел, мой славный. Просто так получилось, что ты ее разбил. Вот почему я прошу тебя не фехтовать дома. И теперь ты будешь это делать только за дверью, ладно?

Джефф грустно кивнул.

— Ладно, мамоська.

— И всегда будешь слушаться мамочку, да?

— Ага. Но... мама! — воскликнул он протестующе. — Там зе... доздик сол!

Гвен тяжело вздохнула.

— Ну конечно, и ты не мог выйти из дому. Но тогда, мой милый, тебе стоило просто порисовать картинки.

Джеффри сморщил нос.

Гвен укоризненно воззрилась на мужа.

Род в отчаянии огляделся по сторонам, делая вид, что не понимает намеков Гвен, но потом обреченно ткнул себя в грудь.

Гвен вскочила и стремительно подошла к нему.

— Да-да, это ты виноват! Сколько раз ты ему обещал научить рисовать замок с крепостным валом? Уж замок-то какая сложность нарисовать? Так сколько раз ты обещал? Тысячу? Когда же ты исполнишь свое обещание?

— Сию секунду! — поспешно отозвался Род. — Сегодня у меня как раз никаких исследований... Что ж, лучше поздно, чем никогда...

В этот момент Род и Гвен вздрогнули от разразившегося детского плача.

Из детской вышел Магнус и, увидев последствия проказ Джеффри, сурово воззрился на младшего брата с высоты своего роста и возраста — как никак Магнусу стукнуло уже целых восемь лет.

— Что ты натворил! Это был мой подарок маме! Я так долго возился с этой вазой, а ты... Ох, Джеффри, Джеффри, и когда же ты только научишься...

Тут появилась Корделия и храбро бросилась на защиту младшего брата, пользуясь своим ростом и возрастом — сорок дюймов, пять лет.

— Не смей на него ругаться, это ты выгнал его из его собственной комнаты!

— Это и моя комната тоже! — прокричал Магнус.

— И его! Там он мог играть и ничего бы не разбил!

— Тихо, тихо! — замахала руками Гвен. — Вы малыша разбудили!

Плач несся из колыбели и децибелами ничуть не уступал возобновившемуся реву Джеффри.

— О, дети! — в отчаянии воскликнула Гвен и бросилась успокаивать одиннадцатимесячного Грегори, а Род попробовал перекричать всеобщий ор:

— Ну-ну, Джефф, ты ничего такого страшного не сделал. Магнус, прекрати! Это моя привилегия — делать выговоры... и отдавать приказы, — добавил он еле слышно. — Делия, милая, ты молодец, что заступаешься за братика. Но хорошие дела не обязательно сопровождать таким шумом, ну пожалуйста, тс-с! — он обнял всех троих и крепко прижал к себе.

В другом углу комнаты Гвен качала колыбель. Младенец успокоился. Род поспешно пропел:

— Дождик-дождик, хватит капать! Дети-дети, хватит плакать!

— Как скажешь, папа...

Магнус выпрямился и на минуту стал очень серьезен.

— Нет, нет! Я не это имел в виду... О господи!

Род взглянул в окно. Дождь прекратился, выглянуло солнце.

— Магнус! — в отчаянии вымолвила Гвен. — Что я тебе говорила насчет управления погодой?

— Но ведь папа этого хотел! — горячо возразил Магнус.

— Ну, просто вырвалось в неподходящий момент, — неохотно согласился Род. — Но, мальчик мой, нельзя, чтобы было только как нам удобно. Есть ведь и другие люди, которым дождик нравит-

ся. И он нужен даже тем, кто его не любит. А крестьянам он просто необходим. Так что верни его поскорее, будь паинькой.

В свой тяжкий вздох Магнус вложил все свое отношение к непоследовательности родительского мышления, затем свел брови... и дождевые капли снова зашлепали за окном. Корделия и Джеффри расстроились. Они-то уже обрадовались возможности выбежать из дома и поиграть на свежем воздухе.

— Да, погодка в последнее время стала какая-то странная, — задумчиво заметил Род, подойдя к окну.

— Что правда, то правда, — согласилась Гвен. Она подошла к мужу, прижимая к груди маленького Грегори. — Ума не приложу, как это у него получается. Я бы по меньшей мере час убила бы, чтобы разогнать пару туч.

— Что ж, придется и этот талант внести в перечень необъяснимых способностей нашего сыночка.

Род отвернулся от окна и взглянул на Магнуса — крепыша в просторной рубахе, подпоясанной ремнем с висящим на нем кинжалом в ножнах, и облегающих лосинах. Не так давно волосы у мальчика стали темнеть, приобретая медный оттенок. Избавившись от детской пухлости, он обзавелся дерзко выступающим подбородком, который с приходом зрелости грозил придать его лицу весьма суровое выражение. Однако Род по-прежнему видел в сыне